

УДК 821.111

ОБРАЗ Ч. ЛЭМА В РОМАНЕ П. АКРОЙДА «ЛОНДОНСКИЕ СОЧИНТЕЛИ»

Д. Э. ПЕННЕР

(Представлено: канд. филол. наук, доц. Н. В. НЕСТЕР)

Рассматривается роман П. Акройда (Peter Ackroyd, род. 1949) «Лондонские сочинители» (*The Lambs of London*, 2004). Анализируется образ Ч. Лэма и особенности его творчества в романе П. Акройда «Лондонские сочинители».

Питер Акройд (Peter Ackroyd, род. 1949) – поэт, биограф, рецензент, романист и литературный критик, известный романами об английской истории, культуре и биографиями выдающихся личностей, таких как У. Блейк, Ч. Диккенс, Т.С. Элиот, Ч. Чаплин и Т. Мор и др.

В романе «Лондонские сочинители» автор переносит на страницы экономические, политические, культурные и идеологические процессы Англии XIX века, воссоздавая дух минувшей эпохи. Обладая глубоким знанием истории, автор в свободной манере лавирует между правдой и вымыслом, создавая постмодернистскую биографию, главной задачей которой становится реконструкция одной из возможных версий жизни персонажа.

Центральным звеном в галерее персонажей не случайно становится семья Лэмов (*The Lambs*). На них обрушивается одно несчастье за другим. Сначала с ума сходит Лэм-старший, затем его дочь Мэри, а после «в минутном умопомешательстве» Мэри убивает мать. Семья Лэмов беззащитна перед грозной силой в лице «города-исполина»; их сдавило тисками его улиц. В контексте романа им отводится особая роль, приобретающая сакральное значение. Следует отметить библейскую коннотацию «the lambs» – «агнцы, беззащитные существа, приносимые в жертву». Всесильный рок довлеет над Лэмами, подобно фамильному проклятию из готических романов.

Герой Чарльза Лэма идет еще дальше, сравнивая Лондон с кладбищем: «Города – это обиталище смерти. «...» Я недавно прочел, что первые города строились на месте погостов»¹⁹⁶ [4, с. 245]. Лондон того времени, краса и гордость Англии, действительно переживал не лучшие времена. Каждая улочка таила в себе опасность: сточные канавы, эпидемии, пьянство, проституция, убийства, публичные казни – именно таким он запомнился современниками. Тем не менее, сам Чарльз Лэм в своих очерках, буквально «захлебываясь от восторга», воспел суетную природу Лондону. Его восторженные отзывы о нем можно встретить также в раннем очерке «Лондонец» (*The Londoner*), опубликованном в 1802 г. в газете «Morning Post»: «Я, можно сказать, появился на свет в толпе. Это породило мою безграничную любовь к городской жизни и почти непреодолимое отвращение к одиночеству и сельским видам...». Не лишним было бы упомянуть о письме к У. Вордсворту, в котором Лэм сравнивает город с маскарадом: «...толпы людей, сама грязь и слякоть, солнце, освещающее дома и тротуары, типографии, старые книжные прилавки, Парсонс, продающий книги по дешевке, кофейни, дымящиеся супы с кухонь; пантомимы – сам Лондон является пантомимой и маскарадом – все это само собой всплывает в моем сознании и питает меня, не в силах насытить»¹⁹⁷ (Здесь и далее перевод наш. – Д.П.). Чарльз Лэм вписал свое имя в историю Лондона, города-палимпсеста; он, будучи «визионером», сумел ощутить его алчную и ненасытную натуру, чья воля могла низвергнуть с помоста всех, кому на роду было написано пасть жертвой его чудовищного замысла.

П. Акройд наделяет персонажей «энергией», присущей городу, и называет их «visionary», что уместнее всего перевести как «фантазеры». Термином «visionary» писатель, как правило, именуется тех персонажей, кто имеет дело с мистическими отправлениями. «Визионер», «творец», «провидец» или «фантазер» – это, прежде всего тот герой, который возвысился над миром устоявшихся понятий, опередил время, повлиял на жизнь благодаря гению и дальновидности не без помощи мистических и оккультных сил.

Особое место у «фантазеров» занимает Лондон. В концепции автора Лондон и населяющие его «творцы» составляют едва ли не единый живой организм. Город-исполин, словно древнегреческий Кронос, восседает на костях тех, кого сам же и породил. Жертвой его безудержной воли пали многие, среди их числа Т. Чаттертон, У. Блейк, Т. Мор и другие, не менее выдающиеся творцы. К ним следует отнести и Чарльза Лэма.

¹⁹⁶ «Cities are places of death, Mary. I read recently that the first cities were built upon graveyards» [2, p. 190].

¹⁹⁷ «...the crowds, the very dirt and mud, the sun shining upon houses and pavements, the print shops, the oldbooks-talls, parsons cheapening books, coffee-houses, steamsof soups from kitchens, the pantomimes-London itself a pantomime and masquerade-all these things work themselves into my mind, and feed me without a power of satiating me» [3, p. 108].

В романе Чарльз предстает веселым, неглубоким, но остроумным молодым человеком, не слишком одаренным талантом литератора. Он также не прочь выпить, или, как он сам виновато выражается «надираться», что избавляло его от чувств собственной несостоятельности, страха перед будущим.

*«Когда он бывал пьян, то уже не видел ни подробностей, ни общей картины окружающего мира. Однако состояние это было ему в радость, Чарльз всякий раз к нему упорно стремился, ибо оно освобождало от страха и чувства ответственности. Однако, чего же он опасался? Своей несостоятельности. Своего будущего»*¹⁹⁸ [4, с. 40]. Страх непризнания часто выражался и в простой зависти перед соперниками по призванию. Так, например, Лэм признавался самому себе, что завидует начинаниям более успешного Уильяма Айрленда, который за короткий срок успел отметить несколькими публикациями в местной газете. Литературные неудачи погасили запал остролова. Неуверенность в себе, быть может, берет свое начало еще с ранних поэтических опытов, в которых Лэм не сильно преуспел. Несколько позже Лэм нашел себя в жанре эссе под псевдонимом Элия.

В своем становлении Элия целиком и полностью обязан Лондону, городу, который и стал главным героем всех его очерков. Улицы, переулки, старые кварталы, клерки, трубочисты, нищие, франты, ученые, книготорговцы – «всем этим страстно наслаждается Элия, и все это видит его глазами читатель» [4, с. 199]. Лондон хоть и мал, но в то же время велик и серьезен. В его закоулках как будто бы отражаются те мировые законы, что управляют целыми континентами – в микрокосме преломился макрокосм.

В романе «Лондонские сочинители» П. Акرويد заимствует шекспировскую концепцию: «мир – театр». Чарльзу Лэму приходит мысль поставить пьесу «Сон в летнюю ночь», в которой, как и в «Гамлете», присутствует игровое начало «пьеса в пьесе» (*play-within-a-play*). Вживаясь в роли, Чарльз и его товарищи часто теряются на периферии реальности и сновидения, прошлого и будущего. Каждый из них на интеллигентном уровне задается вопросом «что есть реально?» или тогда уж «какая из разыгрываемых пьес более приближена к действительности?». Подобным вопросом может задаться и читатель. Возможно, при выборе пьесы, Чарльзом, точно марионеткой, руководило нечто большее, нежели обычная интуиция «провидца».

Стоит упомянуть еще об одном действующем персонаже романа – Уильяме Айрленде. Он тоже является «визионером», но в отличие от Чарльза, человека будущего, Уильям устремляет взгляд в прошлое. Чарльз же, прежде всего реалист с широким взглядом на вещи, его личность проявляется в свободе и естественности чувств, а гибкий ум избегает монотонности и моралистической серьезности восприятия мира. Тем не менее, образ Чарльза Лэма занимает центральное положение в галерее персонажей и благодаря «мета-тексту» выражает авторскую интенцию невозможности объективного познания истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акرويد, П. Лондонские сочинители : Роман / П. Акرويد; пер. с англ. И. Стам. – М. : Иностранка, 2008. – 272 с.
2. Ackroyd, P. The Lambs of London / P. Ackroyd. – 1st. ed. In the U.S.A., 2008. – 218 p.
3. Talfourd, T. The Works of Charles Lamb / T. Talfourd. – Vol. 1 of 2: With a Sketch of His Life and Final Memorials. – Harper, 1855. – 556 p.
4. Дьяконова, Н.Я. Чарльз Лэм и Элия / Н.Я. Дьяконова // Лэм, Ч. Очерки Элии / Ч. Лэм. – Л. : Наука, 1979. – С. 181–208.

¹⁹⁸ «When he was drunk, he was oblivious to detail or perspective. Yet he welcomed, and actively sought, this state. It relieved him from fear and responsibility. But what did he fear? He feared his own failure. He feared his future» [3, p. 26].